

Е.Д. Свердлов
НАСТОЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК

Эта короткая заметка о Николае Константиновиче Кочеткове, фигура которого мне представляется тем более значительной, чем дольше я живу.

Я не могу считать себя научным учеником Н.К. Кочеткова. Но, безусловно, я его ученик в гораздо более важном – как жить правильно. Я пришел в Лабораторию химии углеводов и нуклеотидов в 1965 г. после окончания аспирантуры на кафедре радиохимии химфака МГУ. Произошло это довольно случайно. Уезжал в Академгородок Новосибирска мой однокурсник Миша Грачев (теперь академик РАН Михаил Александрович Грачев). Освобождалась его вакансия в ИХПС. И мой друг Сева Бочкарев, тоже выпускник кафедры радиохимии, сказал мне: «Женя, давай к нам» (он в это время уже давно работал в ИХПС, придя после диплома истопником, поскольку в только что созданном Институте еще не было штатных научных единиц). «Здесь, – говорил он, – такие ребята, и Лаборатория, и сам Кочетков, не пожалеешь».

Некоторых ребят я знал хорошо. С Толей Усовым мы ходили в зимние походы, с другими учились на одном курсе. О Кочеткове слышал много, но толком не представлял, чем он занимается и что происходит в Лаборатории. Тем не менее, у меня был весьма ограниченный выбор. Только что я получил отказ из одного из институтов, куда я планировал попасть на работу после аспирантуры. Там посмотрели мою анкету, фамилию, имя, отчество, и... И я не знал куда податься. ИХПС – это, конечно, было неплохо. Но место, которое освобождал Грачев, было 98-рублевым местом старшего лаборанта, а я был уже почти кандидатом химических наук, но даже, амбиции в сторону, просто нужны были деньги. Все-таки Сева уговорил меня встретиться с Кочетковым. Без особого энтузиазма я пришел на встречу. И увидел, и на всю жизнь познакомился и подружился с замечательным человеком Николаем Константиновичем.

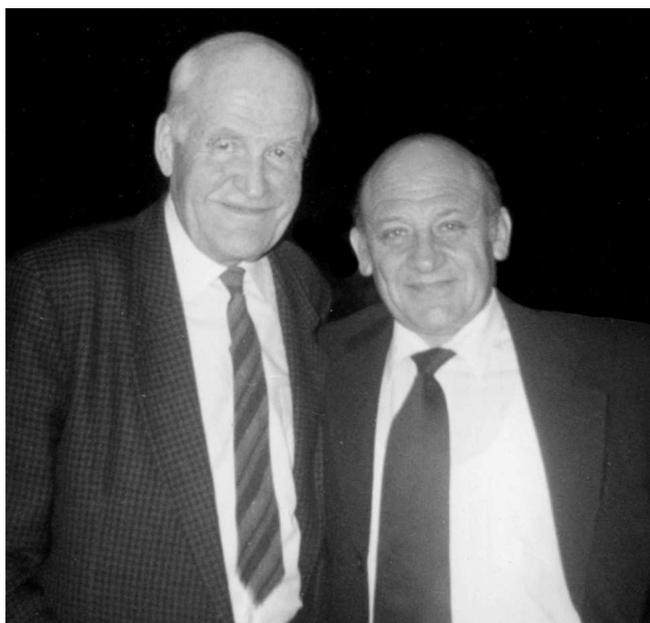
Я сказал, подружился. Можно ли использовать это слово, чтобы определить отношения между людьми столь разного возраста, общественного положения и жизненного опыта? Не знаю. Может быть правильнее сказать, что мы всегда хорошо друг к другу относились. Конечно, по-разному. Я с величайшим почтением. Хотя бы потому, что Николай Константинович прошел войну. Для меня это не просто слова. Война прошла по нашей семье тяжелым катком, и остались в живых только я и мать. Отец мой был офицером и погиб в бою в 1943 г. Он мог не идти на фронт. У него была куриная слепота, и он был начисто освобожден. Но считал своим долгом. И многое другое, что всегда внушало мне уважение к фронтовикам, даже если я понимал, что по-человечески кто-то из них не заслуживает теплых чувств. А Николай Константинович их заслуживал.

Нужно сказать, что у меня было много учителей жизни. К сожалению, по большей части я учился у них тому, как не надо. Почти 11 лет жил по общежитиям. Это великая школа жизни по принципу: «Не верь, не бойся, не проси», но также и «Не ври, делись и выручай». Научили меня и пониманию, что мать, сельская учительница, была не права, внушая мне с детства, что крупный ученый обязательно и человек хороший. Но Николаю

Константиновичу я как-то сразу поверил и никогда не имел оснований разочароваться. Так что с моим отношением к профессору Кочеткову все понятно. Я ему верил, боялся потерять его дружбу и если о чем-то просил, то не для себя. Что же касается его отношения ко мне, – я об этом часто думаю. Возможно, интуиция подсказывала ему, что мне можно верить. Надеюсь, что я его никогда не подвел. Расскажу пару характерных эпизодов.

Где-то в 1968 г. появился у меня японский дипломник из Университета дружбы народов, Тамие Андо. Время от времени он появляется в поле моего зрения и до сих пор. Он приехал в СССР, выиграв громадный конкурс, и был исключительно тщательным студентом. Сделал неплохую по тем временам работу, и пришла пора защищать диплом. Андо пришел ко мне и сказал, что ему важно, чтобы рецензент дипломной работы был известный ученый, так чтобы в Японии ее признали. Я, не очень задумываясь над последствиями, предложил Андо обратиться к директору ИХПС академику М.М. Шемякину. Андо, потея в буквальном смысле слова (в ответственные моменты на носу у него выступали крупные капли пота), написал просьбу Михаилу Михайловичу и отдал письмо секретарше. Очень скоро я получил по полной программе от этой хорошей женщины, которая разъяснила мне очень понятными терминами разницу между мной и академиком и вообще между мной и остальными, умными людьми.

Я забрал записочку бедняги Андо, пришел к нему, сказал, что М.М. Шемякин не сможет отрецензировать его работу. Потом посмотрел на капли пота на его носу, и жалость, моя национальная жалость, подвела меня к телефону, и я позвонил директору ИОХ чл.-корр. АН СССР Кочеткову Николаю Константиновичу. Он сразу взял трубку. «Женя, привет! Как жизнь?». Я рассказал проблему с Андо и попросил Н.К. быть рецен-

Академики Н.К. Кочетков и Е.Д. Свердлов. 1999 г.

зентом дипломной работы. Он расхохотался, потом серьезно спросил: «А я сумею? Я и не помню, когда в последний раз рецензировал дипломы». Потом попросил, чтобы защиту назначили на то время, когда он может приехать. И, к изумлению преподавателей Университета дружбы народов, приехал и очень серьезно прорецензировал. Андо вспоминает это до сих пор.

На выборах в академики меня катали дважды, и на очередных выборах в 1997 г. я решил не выдвигаться. В конце концов, не обязательно быть академиком. Звонит по какому-то делу Н.К. «Женя, как дела? Вы выдвигаетесь в академики?». «Нет, решил не выдвигаться». «Почему?». «Да уже дважды прокаты-

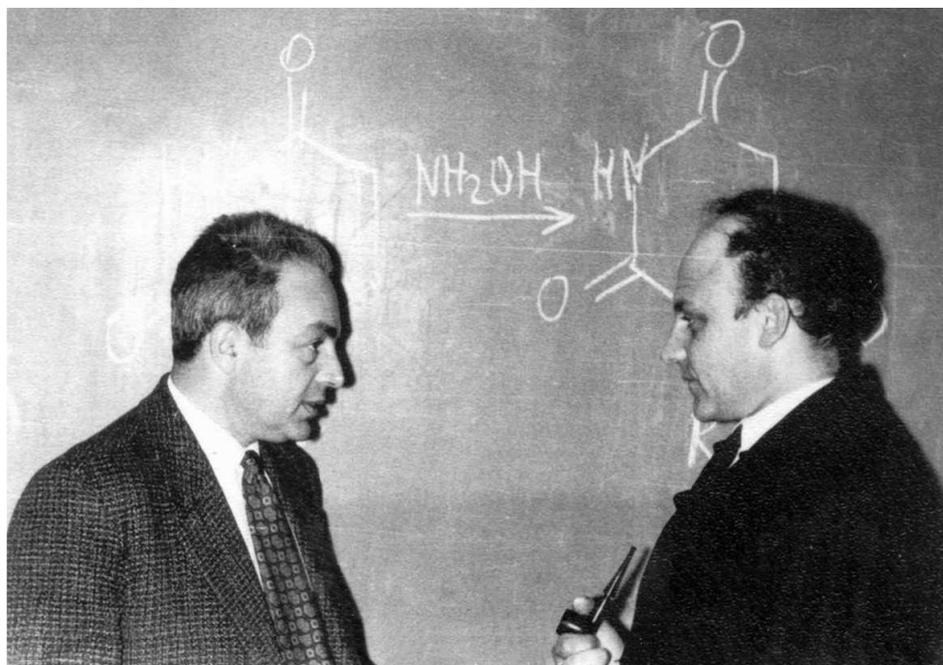
вали. Третьего раза не хочу». «Женя, не валяйте дурака, с вами говорит пятизвездочный академик!». Николая Константиновича прокатывали четыре раза. Я не стал валять дурака, и меня выбрали именно в этот раз.

Осталось достойное свидетельство нашей совместной работы.– книга: Н.К. Кочетков, Э.И. Будовский, Е.Д. Свердлов, Н.А. Симукова, М.Ф. Турчинский, В.Н. Шибаев. Органическая химия нуклеиновых кислот. Москва, Химия, 1970. Она переведена на английский и японский языки. Писали ее трудно. И затем Николай Константинович ее редактировал. Это была виртуозная работа. Он увидел и выправил каждую мелочь. В

СССР книга получила название «Белая книга». После перевода на английский она стала настольной книгой в химических лабораториях мира, занимающихся нуклеиновыми кислотами. Еще бы – сам патриарх химии нуклеиновых кислот Нобелевский лауреат лорд Тодд взял на себя редактирование перевода. Книга вышла в красной суперобложке и за границей стала известна как «Красная книга». Думаю, что без редакторской работы Н.К. она была бы существенно хуже.

Помню, что, когда редакторская правка была завершена, Николай Константинович собрал нас, рассказал суть его поправок и договорился, что на следующий день мы отвезем книгу в издательство. Громадную рукопись доверили мне. Это был уникальный экземпляр – с ручной правкой Николая Константиновича. Решили отметить событие в ресторане (без Н.К.). Домой вернулся поздно. Рукопись берег, как зеницу ока. Утром, едва проснувшись, решил проверить, как она. И не нашел. Перевернул всю квартиру – нет. Я же помню – вез. Такой кошмар со мной и до того, и после случался редко. Главная мысль – загубил громадный труд Н.К. Телефона у меня не было, и я направился на улицу, в автомат, позвонить и больше никогда не попадаться на глаза Кочеткову. Выхожу из квартиры и вижу – у лифта прислонена к стенке сумка с рукописью. Потом рассказал эту историю Николаю Константиновичу. Комментарии не привожу.

На обложке книги фамилии авторов. Это все ученики Н.К. Ученики всегда обожали Шефа. Это характеризует его человеческое обаяние и благородство в отношении своих питомцев. Не могу в этой связи не сказать об Эдуарде Израилевиче Будовском, в группе которого в составе Лаборатории химии углеводов и нуклеотидов я непосредственно работал. Будовский занимался нуклеотидами. Шефа уважал чрезвычайно. И вот, как гром среди ясного неба, 1967 год. Углеводная часть лаборатории уходит в ИОХ, где Шеф будет директором, а мы, нуклеотиды, остаемся в ИХПС. Какое-то уныние и страх у всех нуклеотидчиков и явная растерянность у Будовского. Но постепенно все образовалось. Контакты с Лабораторией Н.К. в ИОХ остались крепкими и дружескими. И когда Будовскому стало трудно в ИБХ (так переименовали ИХПС), Кочетков протянул руку помощи и взял его к себе в ИОХ. Учитель, каким он должен быть.

Э.И. Будовский и Е.Д. Сverdлов. 1965 г.

На двери моего кабинета нет таблички с часами приема. Не было ее и на двери «кабинета» Н.К. Кочеткова (я взял это слово в кавычки, потому что кабинетом ту клетушку на втором этаже бывшего Института горного дела, где сидел Н.К., можно назвать весьма условно). Каждый сотрудник мог заглянуть туда и поговорить с Шефом. Я взял этот стиль у него. Иногда это сильно мешает работе. Только сосредоточишься, вдруг – «Е.Д., у меня вопрос», и кто-то входит и присаживается. Я даже думал одно время, что это нужно менять. Но вспомнил себя младшим научным сотрудником и Николая Константиновича, и менять ничего не стал. Думаю, что этот кочетковский стиль стратегически очень точен. Он не позволяет отрываться от сотрудников и дает возможность чувствовать, чем они живут. Позволяет оставаться человеком, а не идолом с академическими титулами.

Н.К. Кочетков оставил после себя большую научную и человеческую школу. Оставил научные труды и хорошие книги, которые долго будут служить науке. Оставил высокую культуру настоящего русского интеллигента. Эта культура будет долго жить в его учениках и в его детях. В детях, внуках и правнуках будут жить и гены Николая Константиновича Кочеткова.